

УДК 332.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОДХОДОВ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ**Т.В. Дивина**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, email: divina-tv@yandex.ru

***Аннотация.** В условиях глобализации экологических вызовов национальные стратегии природоохранной деятельности демонстрируют значительное разнообразие, определяемое историческим, экономическим и институциональным контекстом. В данной статье автором представлены результаты исследования по проведению сравнительного анализа доминирующих моделей государственного экологического регулирования. В статье автором проведен сравнительный анализ государственных подходов к экологическому регулированию США, стран Европейского союза, Китая и России. В качестве критериев для анализа выбраны: идеологическая основа политики; доминирующие инструменты регулирования, централизация управления, ключевые приоритеты, международное взаимодействие. Проведенный анализ показывает, что подходы государств к экологическому регулированию носят различный характер. Данные различия основываются на фундаментальных особенностях их политико-экономических моделей, формируя специфические, зачастую конкурирующие, управленческие решения, где экологические императивы адаптируются под национальные интересы и экономические решения.*

***Ключевые слова:** экологическое регулирование, государственные подходы, международное взаимодействие, экополитика, стратегические приоритеты.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF STATE APPROACHES TO ENVIRONMENTAL REGULATION**T.V. Divina**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, email: divina-tv@yandex.ru

***Abstract.** In the context of globalizing environmental challenges, national environmental protection strategies exhibit significant diversity, determined by historical, economic, and institutional contexts. In this article, the author presents the results of a comparative analysis of dominant models of state environmental regulation. In this article, the author conducts a comparative analysis of government approaches to environmental regulation in the United States, the European Union, China, and Russia. The following criteria were used for the analysis: the ideological basis of policy, dominant regulatory instruments, centralization of governance, key priorities, and international cooperation. The analysis shows that states' approaches to environmental regulation vary. These differences stem from fundamental features of their political and economic models, shaping specific, often competing, governance decisions where environmental imperatives are adapted to national interests and economic decisions.*

***Keywords:** environmental regulation, state approaches, international cooperation, environmental policy, strategic priorities.*

Дата поступления статьи в редакцию: 16.11.2025

Дата принятия статьи в печать: 25.12.2025

Введение

В настоящее время не существует единой унифицированной модели государственного экологического регулирования. Национальные подходы функционируют с учетом различных факторов: структура экономики, политическая система; социокультурные ценности; место страны в глобальной иерархии.

Для понимания сильных и слабых сторон различных систем представляется целесообразным провести сравнительный анализ подходов основных ключевых критериев, используемых в США, странах Европейского союза, Китая и России.

Анализ будет осуществлён по таким критериям, как:

- идеологическая основа политики;
- доминирующие инструменты регулирования;
- централизация управления;
- ключевые приоритеты;
- международное взаимодействие.

Цель исследования

Цель исследования – проведение комплексного сравнительного анализа ключевых моделей государственного экологического регулирования для выявления их системных особенностей, детерминант формирования и сравнительной эффективности в контексте глобальных экологических вызовов и национальных политико-экономических стратегий.

Материал и методы исследования

В США подход к экологическому регулированию исторически характеризуется децентрализацией в совокупности со значительной ролью судебной власти и отдельных штатов. На федеральном уровне политика подвержена резким колебаниям – в зависимости от смены администраций. В то время, как одни правительства усиливали регулирование (например, через полномочия Агентства по охране окружающей среды – EPA), другие ослабляли его в пользу стимулирования нефтегазовой отрасли.

Центральным звеном современной американской климатической политики стал «Закон о снижении инфляции» (Inflation Reduction Act, IRA), который был принят в 2022 году. Является крупнейшим пакетом мер в отношении изменения климата в истории США [2].

Предусматривается, в частности, сокращение затрат на здравоохранение и переход на экологически чистую энергию и электромобили, а также налоговая реформа (увеличение налоговых ставок для подоходного налога сверхбогатых и корпораций). В отличие от европейского подхода, базирующегося на налогах и ограничениях, в IRA делается упор на массивные налоговые льготы и субсидии для производителей и потребителей «зеленых» технологий. По существу, это стратегия промышленной политики, нацеленная на стимулирование спроса и предложение экологически чистых товаров внутри страны. Государство здесь выступает не столько в качестве контролера, сколько как инвестор и «ускоритель» рыночных процессов [1].

В свою очередь, модель ЕС уникальна наднациональным характером и основывается на «принципе предосторожности». Ключевой стратегической «рамкой» служит «Европейский зеленый курс» (European Green Deal), цель которого – достижение климатической нейтральности к 2050 году. Запланировано использование автомобильного транспорта без загрязнения атмосферы, жилых домов с теплоизоляцией, современных систем отопления и экологически чистой электрической энергии. Разработаны экономические меры по переходу промышленности ЕС на экологические нормы, в том числе, её защита от дешёвой импортной продукции дополнительными таможенными сборами, использование квот на выбросы парниковых газов. Включение экологических и климатических приоритетов в политики ЕС, расширение их охвата, в том числе, и на глобальном уровне, вызвано, в первую очередь, началом имплементации в ЕС Европейского зеленого курса.

Результаты исследования

Основой является система торговли выбросами (EU ETS) – классический рыночный инструмент, которым устанавливается «потолок» выбросов для более чем 11 000 предприятий, им разрешено торговать квотами. Отмеченное выше дополняется жесткими технологическими стандартами и нормативами [4].

Отличительной чертой подхода ЕС следует признать его стремление распространить свои эко-стандарты за пределы союза. Механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ), который фактически заставляет импортеров платить за углеродный след их продукции, стимулируя декарбонизацию глобальных цепочек поставок. Таким образом, ЕС задействует свою регуляторную мощь как инструмент геоэкономического влияния [3].

Китай демонстрирует схему жесткого государственного дирижизма, где экополитика встроена в общую идеологическую конструкцию «построения экологической цивилизации». Этот подход был закреплён на высшем политическом уровне и интегрирован в пятилетние планы развития страны.

На протяжении длительного периода Китай опирался на командно-административные методы: закрытие «грязных» производств, установление строжайших норм качества воздуха и воды, массовые кампании по лесовосстановлению и другие.

В течение последних лет данная модель дополняется рыночными экспериментами: в 2021 году была запущена национальная система торговли квотами на выбросы, которая, став крупнейшей в мире по охвату, пока уступает европейской по цене на углерод. Государство в КНР выступает в качестве главного «стратега», инвестора, контролера «зеленого» перехода, направляя гигантские ресурсы в развитие возобновляемой энергетики, электротранспорта, прочих технологий, где страна стремится занять лидирующие мировые позиции [1].

Российский подход к экологическому регулированию ориентирован на сохранение конкурентоспособности ресурсодобывающей экономики. В отличие от ЕС, Россия не ставит во главу угла амбициозные цели по декарбонизации в краткосрочной перспективе, фокусируясь на модернизации существующих промышленных мощностей [5].

Основой реформы госрегулирования стал переход на принципы наилучших доступных технологий (НДТ) – производство продукции (товаров), выполнение работ, оказание услуг, определяемые на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности применения. Сегодня в Российской Федерации стоит задача обеспечения комплексного подхода к внедрению НДТ как в рамках экологической, так и промышленной политики, а также совершенствование системы государственного регулирования на основе НДТ. В построении такой системы значительная роль отведена деятельности Росстандарта и механизмам стандартизации.

Для создания единых подходов при разработке справочников НДТ приказом Росстандарта создан профильный технический комитет по стандартизации «Наилучшие доступные технологии». Немаловажной является работа по подготовке кадров, которая осуществляется в рамках текущей совместной работы Бюро НДТ и Академии стандартизации, метрологии и сертификации. С опорой на данную систему предполагается выдача комплексных экологических разрешений (КЭР) для крупнейших загрязнителей на основе технологических нормативов, которые разработаны в справочниках НДТ. Описываемый подход представляет собой «гибрид» административного (установление нормативов) и стимулирующего (предприятиям дается время на модернизацию) методов. Рыночные инструменты (торговля квотами) пока развиты слабо и реализуются в виде регионального эксперимента на Сахалине. В целом, схема в РФ более консервативна и в большей степени ориентирована на снижение текущего экологического ущерба, нежели на радикальную перестройку экономики по лекалам «зеленого курса» [6].

Сводный анализ ключевых характеристик в рассматриваемых подходах представлен в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение государственных подходов к экологическому регулированию

Критерий	США	Европейский союз	Китай	Россия
1. Идеологическая основа	Рыночно-ориентированный прагматизм, стимулирование инноваций через налоговые вычеты	Нормативный идеализм, «принцип предосторожности», климатическое лидерство	Государственно-центричная идеология «экологической цивилизации», социальная стабильность	Ресурсный прагматизм, технологическая модернизация, экологический суверенитет
2. Доминирующие инструменты	Экономические (стимулы) – налоговые кредиты (IRA), субсидии. Административные – на уровне штатов	Рыночные (ограничения) – система торговли квотами (EU ETS). Административные – жесткие стандарты, СВАМ	Административные – прямые запреты, жесткие нормативы. Рыночные – национальная ETS (в стадии развития)	Административно-технологические – наилучшие доступные технологии (НДТ), комплексные разрешения (КЭР)
3. Централизация управления	Децентрализовано. Высокая автономия штатов, сильное влияние судебной власти	Наднациональная. Ключевые решения принимаются в Брюсселе, обязательны для всех стран-членов	Высокоцентрализованная. Вертикальная система управления от центрального правительства к провинциям	Централизованная. Федеральный центр определяет рамки политики, регионы исполняют
4. Стратегические приоритеты	Лидерство в «зеленых» технологиях, снижение энергозатрат, конкуренция с Китаем	Достижение углеродной нейтральности к 2050 году, экспорт регуляторных стандартов	Улучшение качества воздуха и воды, лидерство в производстве ВИЭ, социальная стабильность	Модернизация промышленности, снижение выбросов опасных веществ, освоение Арктики
5. Международное взаимодействие	Возвращение к роли одного из лидеров, но с акцентом на национальные интересы	Безусловный лидер и «законодатель мод» в глобальной климатической политике	Крупнейший эмиттер, стремящийся к роли ответственного глобального лидера на своих условиях	Участник соглашений, но с консервативной позицией, отстаивающий национальные интересы

Источник: составлено автором.

Проведенный анализ помогает выявить как фундаментальные отличия, так и определенные точки схождения в подходах рассматриваемых стран.

Так, различия проявляются в следующих аспектах: идеология, доминирующие инструменты, централизация управления, стратегические приоритеты.

Проведенный сравнительный анализ, структурированный по пяти основным критериям, выявляет фундаментальные различия в механизмах экологического регулирования различных стран. Эти различия обусловлены не столько экологическими императивами, сколько базовыми принципами политико-экономического устройства, что формирует уникальные национальные и наднациональные модели управления воздействием на окружающую среду.

1. Анализ идеологической основы демонстрирует спектр подходов от рыночного инструментализма до директивного управления.

В США реализуется модель рыночно-ориентированного прагматизма, где экологические цели интегрируются в логику экономической конкурентоспособности и технологического лидерства. Экологическая политика рассматривается как сфера стимулирования инноваций и создания новых рынков. В странах Европейского союза основу составляет нормативный идеализм. Экология здесь возведена в ранг высшей ценности, а климатическая повестка является не просто элементом политики, но идеологическим стержнем проекта европейской интеграции, целью которой является климатическое лидерство.

Китай реализует государственно-центричную идеологию «экологической цивилизации», интегрированную в официальную доктрину. Эта концепция подчиняет экологические задачи целям социальной стабильности, долгосрочного развития правящей партии и легитимации ее власти через улучшение качества жизни населения. Россия характеризуется подходом ресурсного прагматизма и технологической модернизации, связанного с идеей экологического суверенитета. Акцент делается на рациональном использовании природного капитала как основы экономики и необходимости модернизации промышленности для снижения издержек и давления, а не на ценностно-ориентированной экологической трансформации.

2. Инструментальное измерение.

США демонстрируют приоритет экономических стимулов (субсидии, налоговые кредиты) на федеральном уровне при сохранении значительной роли административного регулирования на уровне штатов. В странах ЕС применяет гибридный инструментарий, сочетающий развитые рыночные механизмы с жесткими административными стандартами и инновационными трансграничными инструментами. Китай опирается на прямые административные командные инструменты (запреты, целевые показатели, персональная ответственность чиновников), постепенно дополняя их формирующимися рыночными механизмами. Россия сосредоточена на административно-технологических инструментах, которые представляют собой модернизированную версию прямого государственного контроля.

3. Централизация управления.

В США доминирование экономических стимулов на федеральном уровне и административного регулирования на уровне штатов отражает дуализм американской модели. Судебная система выступает ключевым арбитром, обеспечивая правоприменение в условиях рассредоточенной ответственности. В странах ЕС управление носит наднациональный характер с высокой степенью гармонизации законодательства, что обеспечивает единое регуляторное пространство, но требует сложных механизмов согласования интересов государств-членов. В Китае управление жестко централизовано по вертикали «центр – провинции», что позволяет проводить масштабные экологические кампании. В России система управления централизована на федеральном уровне, при этом регионы выступают преимущественно как исполнители заданных норм и получатели делегированных полномочий.

4. Стратегические приоритеты.

США фокусируются на технологическом лидерстве и экономической эффективности (снижение энергозатрат), рассматривая «зеленый» переход как область стратегической конкуренции, прежде всего с Китаем. Страны ЕС позиционируют себя как нормативного лидера в климатической политике, стремясь к углеродной нейтральности и делая свои стандарты глобальными, что является инструментом «мягкой силы» и экономического влияния. Китай решает задачи внутренней экологической стабильности и реализует лидерство в производстве ВИЭ – для захвата стратегических позиций в отраслях будущего. Его международная роль амбивалентна: будучи крупнейшим эмитентом, он стремится к статусу ответственного лидера, но на собственных условиях. Россия нацелена на модернизацию устаревшего промышленного фонда и снижение локального загрязнения, а также на обеспечение национальных интересов в Арктике.

5. Международное взаимодействие.

США рассматривают международное взаимодействие в первую очередь, как инструмент для укрепления своего экономического и технологического превосходства. Климатическая политика напрямую связана с геополитикой. США используют дипломатию и влияние в международных институтах (МВФ, Всемирный банк) для продвижения своих технологических стандартов и моделей финансирования, что помогает их компаниям захватывать новые рынки. ЕС делает экологические условия частью любых торговых и политических соглашений. Доступ к европейскому рынку и инвестициям всё чаще зависит от обязательств партнёров по снижению выбросов. Китай балансирует между двумя ролями. С одной стороны, он – крупнейший в мире источник выбросов, который исторически отстаивал право развивающихся стран на экономический рост. С другой – он стремится стать лидером в «зелёных» технологиях и формировать правила будущей низкоуглеродной экономики в свою пользу.

Россия занимает позицию, направленную на защиту конкурентоспособности сырьевой экономики от внешних регуляторных ограничений и отстаивание принципа национальной специфики в рамках международных соглашений.

Что касается общих особенностей, то можно выделить следующие основные аспекты.

1. Признание проблемы. Несмотря на разницу в амбициях, все страны на официальном уровне признают серьезность экологических и климатических вызовов и необходимость государственного вмешательства.

2. Использование смешанного инструментария. Ни одна страна не использует какой-то один тип инструментов в чистом виде. Наблюдается общая тенденция к сочетанию административных, экономических, технологических подходов;

3. Во всех моделях, в конечном счете, делается ставка на технологическое развитие как на ключ к решению проблем, будь то ВИЭ, разработки улавливания углерода, повышение энергоэффективности и т. п.;

4. Элемент протекционизма. Эко-повестка все чаще используется как инструмент промышленной и торговой политики для защиты и стимулирования собственных производителей (IRA в США, СВМ в ЕС, импортозамещение в России).

Для объективной оценки результативности проанализированных выше моделей целесообразно обратиться к эмпирическим данным. Сравнение статистических показателей помогает обнаружить разрыв между декларируемыми целями и действительными результатами государственной политики. В таблице 2 представлен анализ ключевых показателей эмиссии парниковых газов и инвестиций.

Таблица 2

Сравнительные показатели эмиссии парниковых газов и инвестиций (2023 г.) [7-11]

Показатель	Китай (КНР)	США	Европейский Союз (EU-27)	Россия
Доля в глобальной эмиссии GHG	~29-30%	~11-12%	~6-7%	~4-5%
Динамика эмиссии (2023 к 2022)	Рост (+5,2%)	Снижение (-1,4%)	Снижение (-7% – оценочно)	Рост (незначительный)
Инвестиции в энергопереход (млрд \$)	\$676 млрд (38% от мировых)	\$303 млрд	~340 млрд (вместе с Великобританией ~\$718 млрд)	< \$15 млрд (оценка)
Доля ВИЭ (солнце + ветер) в генерации	~16% (при быстром росте)	~16-17%	~27%	< 1%

Так, ключевым метрическим показателем результативности климатической политики остается объем выбросов парниковых газов (GHG). Данные Emissions Database for Global Atmospheric Research (EDGAR) и Global Carbon Project демонстрируют, что, несмотря на глобальные усилия, траектории эмиссии ведущих экономик радикально различаются.

Выводы

С помощью статистических сводок подтверждается парадокс китайской модели «экологической цивилизации». КНР является абсолютным мировым лидером по инвестициям в «зеленые» технологии (\$676 млрд), однако остается и крупнейшим эмитентом с растущим углеродным следом. Это свидетельствует в пользу того, что ввод мощностей ВИЭ в этой стране пока лишь покрывает рост спроса на энергию, но не замещает полностью угольную генерацию.

В то же время, данные по США и ЕС отражают эффективность рыночных и фискальных стимулов. В США снижение эмиссии происходит на фоне роста ВВП, что подтверждает возможность «декаплинга» (разрыва связи между ростом экономики и нагрузкой на природу) даже при фрагментированной модели регулирования. ЕС демонстрирует наиболее глубокое структурное снижение выбросов, что коррелирует с жесткостью его нормативной базы (ETS, Green Deal).

Таким образом, выбор государственной стратегии экологического регулирования глубоко укоренен в национальном контексте. Либерально-рыночная модель США, бюрократически-наднациональная – ЕС, государственно-дирижистская – Китая, технологически-консервативная – России – представляют собой четыре различных ответа на один и тот же глобальный вызов. Понимание этих различий имеет определяющее значение для выстраивания международного диалога и прогнозирования дальнейшей эволюции глобальной экополитики.

Литература

1. Алиев О.М. Китай и США в рамках глобального экологического регулирования // *Управленческий учет*. 2022. № 4-2. DOI: 10.25806/uu4-22022355-362 EDN: ZDRMHK.
2. Шлихтер А.А. Административные и рыночные методы экологического регулирования в США сквозь призму федерализма // *Общество и экономика*. 2021. № 3. DOI: 10.31857/S020736760014262-7. EDN: UEOZPX.
3. Курпас П.А. Трансграничные эффекты экологической политики Европейского союза: до и после «зелёной сделки» // *Теоретическая экономика*. 2024. № 11 (119). DOI: 10.52957/2221-3260-2024-11-111-123. EDN: UOZCMH.
4. Мельникова В.Г. Эколого-правовые аспекты стимулирования инноваций: опыт ЕС // *Юридическая наука и практика*. 2021. Т. 17. № 1. DOI: 10.25205/2542-0410-2021-17-1-56-64. EDN: WUNNKV.
5. Дивина Т.В. Взаимосвязь составляющих компонентов системы управления промышленным предприятием, как целостной системы // *Экономическая среда*. 2020. № 4 (34). С. 18-23. DOI: 10.36683/2306-1758/2020.04/18-23 EDN: IOUCXT.
6. Котова Л.Г., Мишина Н.А., Котова В.А., Мишина А.Н. Политика обеспечения экологической безопасности России и зарубежных стран // *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 8 (157). С. 532. DOI: 10.34925/EIP.2023.157.8.097 EDN: GLKGOV.
7. Energy transition investments hit record \$1.8 trillion in 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.renewableenergyworld.com/energy-business/energy-finance/energy-transition-investments-hit-record-1-8-trillion-in-2023/> (дата обращения: 15.11.2025).
8. GHG emissions of all world countries. [Электронный ресурс]. URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2023 (дата обращения: 15.11.2025).
9. Global Clean Energy Investment Jumps 17%, Hits \$1.8 Trillion in 2023, According to BloombergNEF Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://about.bnef.com/insights/clean-energy/global-clean-energy-investment-jumps-17-hits-1-8-trillion-in-2023-according-to-bloombergnef-report/> (дата обращения: 15.11.2025).
10. Global Electricity Review 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ember-energy.org/app/uploads/2024/05/Report-Global-Electricity-Review-2024.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
11. Renewable energy reaches 30% of global electricity supply in 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cyber-grid.com/knowledge/renewable-energy-reaches-30-of-global-electricity-supply-in-2023> (дата обращения: 15.11.2025).